

ский край. Приводимый автором в доказательство этих положений материал убедителен. Характеризуя изменившийся современный быт этих народностей, следовало бы сказать, что у них ныне почти не осталось неэлектрифицированных и совсем не осталось нерадиофицированных селений и жилищ.

Существенным пробелом рецензируемой книги является то, что в ней ничего не сказано о постановлении 1948 г., согласно которому правительство взяло на себя все расходы по содержанию учащихся малых народов Севера не только в школьных интернатах, но и в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Говоря о создании национальной интеллигенции — целой «армии» педагогов, клубных работников, медицинских сестер, партийных и советских работников, автору нельзя было не сказать о последнем достижении — о появлении врачей из ульчей, нанайцев и других малых народностей. Из их среды вышли также писатели, поэты, художники, научные работники. Приводя ряд имен, автор и тут допустил некоторые фактические ошибки. Так, С. Н. Онинко назван учителем Ульчского района, готовящим диссертацию по языку нанай, тогда как в действительности он уже несколько лет назад защитил диссертацию и задолго до того являлся сотрудником Института языкознания АН СССР; на стр. 69 говорится, что ульч А. Вальдо является секретарем Ульчского райисполкома, в действительности же он с 1957 г. работает ответственным редактором районной газеты «Красный Север».

В целом рецензируемая книга, хотя и изобилующая ошибками и существенными пробелами, дает общую картину большой работы, проделанной партийными и советскими органами среди малых народов Приамурья по перестройке их культуры и экономики. Чтобы глубоко показать эти процессы перестройки, необходимы кропотливые исследования по отдельным народностям, внимательное изучение их прошлого и современного быта.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что рецензируемая работа показывает, насколько необходимо издание трудов, раскрывающих прошлое и настоящее народов Дальнего Востока, и в частности народов Приамурья.

А. В. Смоляк

«Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 132, Факультет Народов Крайнего Севера, Л., 1957, 277 стр.

Как отмечено в предисловии, данная книга является вторым томом «Трудов» сотрудников факультета Народов Крайнего Севера. По существу же это — четвертый том. Два первых — работы тех же лиц — были выпущены Ленинградским государственным университетом в серии его «Ученых записок» (№ 115, 1950 — вып. 1; № 157, 1953 — вып. 2).

Рецензируемый том включает три статьи, посвященные социалистическому строительству в национальных округах и районах народов Крайнего Севера в связи с 25-летием существования национальных округов; три статьи — по отдельным вопросам истории; две — по некоторым вопросам фольклора; в четырех — приведены материалы по загадкам народов Крайнего Севера.

Статья Н. Н. Степанова и Н. М. Ковязина «25-летие национальных округов Крайнего Севера» (стр. 5—25) представляет собою обзорный доклад на сессии факультета Народов Крайнего Севера, посвященной этому юбилею. Статья предваряется кратким историческим очерком состояния народов Севера в досоветский период; в ней приводятся высказывания представителей дворянско-буржуазной науки об обреченности народов Крайнего Севера и высказывания революционных демократов (В. Г. Белинский, А. П. Щапов) о необходимости оказания помощи этим народам. Основная же часть статьи — иллюстрация ленинской национальной политики применительно к народам Крайнего Севера. Отметим, что в создании новых очагов промышленности и культуры на Севере активное участие принимали представители этих народов, авторы дают исторический обзор создания советской государственности у народов Крайнего Севера начиная с 1922 г. (организация родовых советов, прекращение деятельности частного капитала, развертывание государственной и кооперативной торговой сети, землеустройство, ограничение и вытеснение эксплуататорских групп, культурное строительство, подготовка кадров, организация национальных округов и районов, национально-территориальное районирование, коллективизация и техническая реконструкция хозяйства). По конституции 1936 г. народы Крайнего Севера получили представительство в Совете Национальностей. Вместе с другими народами они защищали родину во время Великой Отечественной войны и участвовали в восстановлении хозяйства после войны.

В статье вызывает сомнение следующее замечание авторов: «Народности Крайнего Севера первыми заселили тайгу и тундру, приручили северного оленя, вышли к берегам Ледовитого и Тихого океанов и первыми начали плавать в их... водах»

(стр. 6. Разрядка моя.— Г. В.). Такая фраза позволяет считать автохтонными совмещенные народы Севера на занимаемой ими территории.

Интересна гипотеза автора, будто незавершенность процесса консолидации народов Крайнего Севера в досоветский период объясняется тем, что «не завершен был процесс оформления классового общества на Крайнем Севере» (стр. 17) и что «близк по языку и происхождению роды и племена стали консолидироваться вокруг национальных окружных экономических и культурных центров, все больше объединяясь на базе развития социалистического хозяйства» (стр. 17). Здесь можно поставить аврам вопрос: как же протекает консолидация у тех народов Крайнего Севера, которые не имеют национальных округов (например, нанайцы, селькупы, нивхи и др.)? В пути развития у всех народов Крайнего Севера в советский период одинаковы!

Статья нанайца С. Н. Онинко «Советское и культурное строительство в Нанаском районе» (стр. 25—55), являющаяся вводной частью защищенной им кандидатской диссертации, дает живую и всестороннюю картину советского и культурного строительства в Нанайском районе. Автор статьи обращает особое внимание на роль нанайцев в гражданской войне.

Статья Л. В. Хомич «Социалистическое строительство на Ямале» (стр. 57—64) построена на материалах, собранных ею в советских учреждениях округа во время экспедиции в 1953 г.

Статья А. Н. Баландина «О происхождении самоназвания манси» (стр. 65—68) дает новую этимологию этого этнонима. Предварительно автор перечисляет все данные угроведками этимологии: манси и *paгуаг* — одного корня (А. Регули, Б. Мункачи манси ← финск. *mies* «человек» (И. Тойвонен); манси ← мансийск. *мань* + селькупск. *си* (Г. Н. Прокофьев); манси ← *мось* — название фратрии (В. Н. Чернецов, В. Штейнниц). Новая этимология автора статьи ведет манси от *мань* «маленький» и собирает суффикса *си*, одного корня с *сир* — «род», «сообщество». Автор переводит его как «сообщество маленьких этнических коллективов». Свою этимологию А. Н. Баландин подкрепляет тем фактом, что название «манси» с определителем по местности относится и к группе хантов. Он считает, что мансийский язык, как и хантыйский в прошлом представляли собою отдельные языки родоплеменных этнических коллективов, преемственно унаследовавших каждый в отдельности общее для них самоназвание, которое позже стало обозначать сообщество маленьких этнических коллективов ведущих происхождение от одного предка. Эта этимологизация менее убедительна, чем предшествующие. Этнонимы народов Сибири в ряде случаев уходят в глубокую древность, и этимологизировать их из данных современного языка народности, к которой они относятся в настоящее время, едва ли правильно.

Статья Е. П. Лебедевой «Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII в.» (стр. 60—110) представляет собою перевод с маньчжурского той части списка 642 родов, состоящих в знаменных войсках, которых маньчжуры того времени называли маньчжурскими. Начинается статья объяснительной запиской, заканчивается приложением алфавитного указателя 642 родов.

Ксилограф «*Чжакунь гусай маньчжусай мукунь хала бэ ухэри эчжэхэ битхэ*» («Общее обозрение маньчжурских родов, находившихся в составе восьми знамен») был издан правительством Маньчжурской династии в Пекине в 1744 г. Один экземпляр хранится в Восточной библиотеке Ленинградского университета под шифром МД 22 (всего 22 книги, объединенные в четыре тома). Издание его было обусловлено стремлением увековечить в памяти потомства роды, входившие в знаменные войска. В некоторых статьях, кроме названия рода и его местонахождения, даны биографии глав родов.

В объяснительной записке Е. П. Лебедева отмечает: 1) роль знаменных войск в походах против Китая и в объединении маньчжурских племен; 2) значение слова *хала* — «род», «племенная группа», «народность»; 3) совпадение названий родов и местности; 4) совпадение названий некоторых маньчжурских родов с названиями родов тунгусских народностей, расселенных по Амуру. В конце записки дана справка о расселении племен по Амуру в XVII в. по русским историческим документам.

В ксилографе все 642 рода названы маньчжурскими, и Е. П. Лебедева, несмотря на указание сходства некоторых названий с наименованиями родов разных тунгусских народностей Приамурья, несмотря на ссылки на работы А. Рудакова, В. П. Васильева и В. Горского о пестром национальном составе знаменных войск, не отходит от официального названия «маньчжурские роды». Кроме указанных трудов, Е. П. Лебедевой следовало бы использовать труды К. Россохина и А. Леонтьева «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состояющего», изданные на русском языке (тт. I—XVI, СПб., 1784). В этой работе анализируются данные маньчжурской истории о племенном составе маньчжур с целью выяснения вопроса об их происхождении. Обойден почему-то в указателе Лебедевой и звенки-солонь с онгкорами, состоявшие в знаменных войсках.

Из названий «маньчжурских» родов, имеющих аналогии в именах звенкийских родов, в статье указан только один (Долар). На самом деле их довольно много. Интересно, что некоторые из них записаны с разными оформителями множественного числа, например: род Монго — Монгосо, Монгоро, Монголчи — с тремя оформителями (*-со*, *-ро*, *-л+чжи*), что говорит о древности рода и о разных говорах, которыми пользовались потомки этого рода в XVII в. Род Монго (мн. ч. Монгол) был и у звен

ков. В XVII в. группы этого рода уже жили на севере, в районе оз. Есей (русская запись — Мугальский), часть их вышла на Оленек (русская запись — Муганский). По записи С. Попова, в 1794 г. отдельные семьи (в его записи — Могинны) кочевали в районе Н. Тунгуски — Ербогочена — Чоны. В XIX в. в этом же районе А. Миддендорф записал их в эвенкийской форме множественного числа (Монголи). Потомки ербогоченских Монго, передвинувшись на запад, живут сейчас в Эвенкийском округе под фамилией Монго. Из Забайкалья и Приамурья ушли на север не все Монго, и И.-Г. Георги в XVIII в. отметил их в районе Телембинского острога, а перепись 1897 г. зарегистрировала их потомков в Баргузинском и Читинском округах. В 1947—1948 гг. мы встретили отдельные семьи Монго/л/ в бассейне Бурен, сородичи их жили в бассейнах Селемджи и Чумикана. По преданию, чумиканские Монго вели свое происхождение от киданей. Следом пребывания их на Амуре ниже Хабаровска осталось название села — Монгол.

Укажем еще род Ехэ, многочисленный у маньчжуров и широко расселенный. Среди названий эвенкийских родов ему соответствует Екэ (*йэкэ*, мн. ч. *йэкэл* ~ *йэкэт*). Это название уже в XVII в. у тунгусов зарегистрировано тремя оформителями множественного числа (-т, -л, -гир), в районе озер Еравна, Иргень, Ярклея, на реках Баргузин, Шилка (в русской записи — Якогирский). В 1632 г. на Лене различались «якольские» (*йэкэ-л*) и «якуцкие» (*йэку-т*) люди. У эвенков онгор-солонгов, в 1763 г. переселенных из Маньчжурии на охрану западных границ Китая, один из родов назывался якус (тот же *йэкэ* ~ *йэку*) с суфф. мн. ч. с. По языку онгоры были близки зейским и верхнеамурским эвенкам (говоры одного диалекта). Перепись 1897 г. отметила Джакутский (тот же *йэкэ-т* ~ *йэку-т*) род на Вилюе. В 1929 г. мы встречали потомков Екэ в средней части бассейна Витима (реки Калар, Калакан), кочевали они в районе оз. Баунт, а отдельные семьи их ушли к югу от Амура. Несомненно, этот род очень древний, и место его происхождения — на бассейнах правых верхних притоков Амура, откуда в Сибирь вышли группы, оформлявшие свое название уже разными суффиксами множественного числа (-л, -т, -гир), одно из которых стало названием народа саха.

Из многих названий мы привели только два как пример того, что в составе знаменных войск не все роды, называвшиеся «маньчжурскими», были действительно маньчжурами.

Не отмечает автор и того, что ряд родовых названий (на -ча, -нга, -га) происходит от собственных имен родоначальников.

Статья И. И. Огрызко «Владимир Атласов» (стр. 111—157), состоящая из краткого введения и шести параграфов, освещает хронологические этапы деятельности Атласова и ее историческое значение.

Если Ермак начал вековой процесс присоединения Сибири, то Атласов завершил его. Этот момент и продиктовал необходимость публикации научной биографии Атласова. В статье приводятся не опубликованные ранее данные из фондов Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА). Автор останавливается подробно на биографиях отца и сына Атласовых, которых раньше путали, и описывает подготовку к обем камчатским экспедициям и их проведение. Статья написана несколько растануто, встречаются повторы.

Статья Е. С. Новгородовой «Народные истоки творчества якутского писателя Эрилик Эристина» (стр. 159—179) дает подробный анализ произведений этого якутского прозаика и знатока фольклора под углом зрения их связи с якутским фольклором (характеристика лиц, сравнения, гиперболы, употребление народных поговорок и пословиц, речевые характеристики).

Статья З. Н. Куприяновой «К характеристике ненецкого эпоса» (стр. 181—214) основана на личных записях автора 1948—1949 гг. в Ненецком национальном округе и материалах А. М. Щербаковой из того же округа, собранных в экспедиции 1946 г., привлечены и записи М. А. Кастрена (середина XIX в.). В статье приведены образцы текстов на ненецком языке с переводом на русский. Арханческие эпические песни «сюдбац» не исчезли из быта ненцев, хотя и наметилось идейное переосмысление образов.

В первой части статьи автор рассматривает песни как этнографический и исторический источник, во второй — как произведение словесного искусства. Поскольку все бытовые картины в песнях связаны с тундрой и оленем, автор считает, что в них описывается недалекое прошлое ненцев. Эта мысль подтверждается и другим: описание межплеменных и межродовых войн с целью грабежа (угона оленей) свидетельствует о возникновении их в период разложения родо-племенного строя. Олени — самое дорогое в имуществе, они являются собственностью героев и отдельных семейств. Герои, кроме собственных имен и родовых названий, носят клички оленей. Коллективная охота и рыболовство изображаются лаконично. В песнях ненцы большей частью живут большими семьями со старшим братом во главе; в таких семьях есть рабы «хаби», захваченные в боях. Наряду с богатыми семьями упоминаются и бедные.

Сравнивая записи XX в. с записями Кастрена, автор отмечает, что, при сохранении общности тематики, современные песни отличаются по композиции; это — не отдельные эпизоды, а связанные между собой повествования, стоящие на пути слияния в эпопею. В вариантах XX в. введена оценка действий и заметна более высокая идей-

ная направленность, чем в вариантах XIX в. Межплеменная борьба, обусловленная раньше кровной мстостью, в поздних вариантах расценивается как борьба за нарк Повесть в песнях ведется от третьего лица или от лица самой песни: «судба ма» (песня сказала).

Четыре статьи посвящены загадкам: В. И. Цинциус, «Загадки негидальцев» (стр. 215—227), А. П. Путинцевой, «Нанайские загадки» (стр. 227—248), М. Г. Воскобойникова, «Эвенкийские загадки» (стр. 249—267), А. Н. Жукковой, «Образцы загадок коряков Пенжинского района» (стр. 271—277). В каждой статье текстам загадок предпослано предисловие. Было бы выгоднее объединить эти предисловия в общее так как классификация загадок по отгадкам, художественные приемы в основном одни и те же у всех этих народов. Сюда следовало бы ввести этимологию термина «загадка» у тунгусских народов; даже корякское название загадок «лымнгыл» (оно же название сказок) можно было бы сопоставить с тунгусским «нимнган» (~ ненгман).

В. И. Цинциус отмечает интересный факт — разные названия для жанра загадок в тунгусо-маньчжурских языках (нэнэвкэ, тагивка — в эвенкийском, негидальском, эвенском; нагбунгу — в удэгейском; намбокэн — в нанайском; нгэнукэн, хэнукэн — в эвенском; ганггоу ~ гангга — в улчском и орокском). Но, к сожалению, автор не пытается объяснить причину этого факта, делая попытку лишь этимологизировать некоторые из названий.

Близкие связи негидальцев с эвенками, естественно, отразились и на значительном числе общих для них загадок. Собираательница нанайских загадок А. П. Путинцевой обратила внимание на бытование старых и появление новых загадок и на их роль в учебной работе. Название статьи М. Г. Воскобойникова — «Эвенкийская загадка» — не соответствует содержанию, так как автор ее публикует только загадки, записанные им среди баунтовской группы эвенков Бурятии, и 33 загадки, записанные К. М. Рычковым в 1903—1913 гг. от сымских (хоенских, по Рычкову) и олимпийских (северных по Рычкову) эвенков.

При описании художественной формы загадок автор распространяет черты (рифма и аллитерация), характерные для загадок эвенков Забайкалья (баргузинские и баунтовские), на загадки всех других групп. Традицию коллективного потребления мяса добытых животных автор почему-то относит к праздникам «в связи с добычей крупного копытного зверя» (стр. 254). Неубедительно и объяснение автором причины бытования загадок в детской среде, во-первых, «отмиранием обрядов, имевших связь с загадкой», и, во-вторых, «отмиранием ряда магических функций и запретов» (стр. 255). Основным назначением загадок было развитие наблюдательности и сообразительности как у детей, так и у подростков, уже принимавших участие в охоте. Хороший охотник должен был очень быстро отгадать любую загадку. На бытование в детской среде загадки, как и сказки, большое влияние оказала советская школа. В глубинных колхозах загадки и сказки бытуют до сих пор и среди взрослого населения.

Приведение в предисловии некоторых особенностей, свойственных всей группе шекающих диалектов, не дает характеристики специфических особенностей говоров баунтовских эвенков и здесь излишне. Статья значительно выиграла бы, если бы при некоторых загадках на основании опубликованных ранее материалов было указано распространение их. Перевод некоторых загадок требует уточнения; например, илэкэнду не «на безлесной горе», а «на проталинке» (загадка 27); довы гэлэдевки не «ест просит», а «наполнения просит» (загадка 41). Приводя загадки, записанные Рычковым, М. Г. Воскобойникову следовало бы в скобках дать их правильную транскрипцию и правильный перевод, так как некоторые переводы Рычкова не соответствуют тексту; например: Тогонзорон? — Шен (Это какие рядышком сидят? — Уши; надо: [что за зверь] на боку лежит? — Ухо). Или: Ажилин? — Залин (Тот какой ум быстрокрылый? — Ум; надо: [Что это за] добытчик? — Ум). В ответе загадки 28 Рычков записал: дю (чум) ~ дюкун (выдра); надо: дюкэ (лед).

В целом публикацию такого рода статей в серии «Ученых записок Государственного педагогического института имени А. И. Герцена» можно приветствовать, в особенности — идею публикации одного жанра фольклора на разных языках, что очень важно для сравнительно-исторического анализа.

Г. М. Василевич

А. Ф. Анисимов. *Религия эвенков в историко-генетическом изучении проблемы происхождения первобытных верований*. Изд-во АН СССР, Л., 1958, 233 стр.

Проблемы возникновения и развития религии относятся к числу наиболее сложных. Это не только потому, что корни религиозных верований уходят в глубокое прошлое, от которого не осталось почти никаких следов, но и потому, что данная отрасль человеческой культуры, не имеющая четко очерченных контуров развития, дает широкий простор различным гипотезам и построениям, опровергнуть которые часто не менее трудно, чем доказать.

Советские историки, этнографы и философы много и весьма плодотворно работают над проблемой религии. Теме происхождения первобытных верований посвящена и новая книга А. Ф. Анисимова.